

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОГНИТИВНОГО СЦЕНАРИЯ «СТРАХ»
В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Данная статья посвящена рассмотрению когнитивного сценария «страх» в русской и английской лингвокультурах, в частности, его мимического проявления.

Ключевые слова: сопоставительное исследование русского и английского языков, когнитивная лингвистика, когнитивный сценарий, мимика, эмоции.

Многие современные исследования в рамках когнитивной лингвистики обращены к рассмотрению эмоциональных концептов, структурирующих языковые средства выражения внутреннего состояния человека. Мы считаем целесообразным описание взаимосвязи внутреннего и внешнего состояния человека с помощью когнитивных сценариев, представляющих собой развернутую характеристику проявления различных чувств, эмоций и переживаний субъекта, нашедших отражение в языке. Эмоции имеют сложную структуру, рассмотреть которую можно на примере различных языковых единиц, служащих для ее обозначения. Как отмечают исследователи, «в современных языках <...> метафорические и метонимические переносы формируют особый пласт средств выражения в языке для обозначения внутренних (ментальных и эмоциональных) состояний и процессов»; при этом «перенос значения по модели “от физического процесса или состояния к внутреннему состоянию” особенно часто наблюдается в языковых средствах, обслуживающих поле эмоциональности, что, возможно, связано с физиологическими проявлениями некоторых базовых эмоций, наследуемых человеком на генетическом уровне» [1, с. 41].

В статье рассматривается мимическая репрезентация когнитивного сценария «страх». Психологи дают различные трактовки данного внутреннего состояния, но все они единогласно признают его одной из базовых эмоций.

Е.П. Ильин дает следующее определение: «Страх — это эмоциональное состояние, отражающее защитную биологическую реакцию человека или животного при переживании ими реальной или мнимой опасности для их здоровья и благополучия» [2, с. 163]. Некоторые психологи (Н.Е. Осипов, О.А. Черникова и др.) дифференцируют разные виды страха, выделяя следующие его формы: боязнь, тревожность, робость, испуг, опасение, растерянность, ужас, паническое состояние. Мы придерживаемся точки зрения Е.П. Ильина, считающего, что «рассмотренные формы страха <...> по сути не являются формами, а характеризуют лишь различную степень (силу) выраженности страха — от боязни и робости до ужаса и паники». Автор аргументирует это тем, что качественного различия между этими переживаниями опасности не обнаруживается. Так, например, робость, по О.А. Черниковой, — это «слабо выраженная эмоция страха перед новым, неизвестным, неиспытанным, непривычным, которая иногда может носить ситуативный характер, но чаще всего — обобщенный». Ужас и паническое состояние характеризуются как «наиболее интенсивные формы выражения стра-

* © Куличенко Ю.Н., 2010

Куличенко Юлия Николаевна (yuliakulichenko@mail.ru), кафедра русского языка Волгоградского государственного университета 400062, Россия, г. Волгоград, пр. Университетский, 100.

ха» [2, с. 167]. Особым проявлением страха считается испуг, который иногда называют «неожиданным страхом». Он возникает как реакция на неожиданно появляющийся сильный звук или какой-либо объект. Для него характерна кратковременность протекания [2, с. 168].

В художественной литературе наиболее распространенными именами существительными для описания данного состояния являются *испуг* (для обозначения мгновенной реакции), *страх* (как наиболее общее наименование) и *ужас* (для характеристики высокой интенсивности испытываемой эмоции). Если рассматривать данные языковые единицы с точки зрения степени проявления, то интегральный признак “интенсивность” в семантической структуре лексемы *страх* реализуется в виде дифференциального признака “нейтральная”, в слове *испуг* – “низкая”, а в лексеме *ужас* – “высокая”. Подобные выводы можно сделать на основании не только работ психологов, но и данных толковых словарей, в которых названные единицы трактуются преимущественно с помощью других лексем этого синонимического ряда, например: «страх – очень сильный испуг», «ужас – чувство сильного страха» и т. д. [3]. Таким образом, получается ряд: *испуг* – *страх* – *ужас*. Их английскими эквивалентами являются *fright* – *fear* – *horror* соответственно. В данной работе в качестве доминанты приведенной группы имен существительных мы будем использовать лексему *страх* (*fear*) как наиболее общее наименование определенного эмоционального состояния и нейтральное понятие.

Для того чтобы лучше представить процесс проявления эмоции страха, обратимся к структуре когнитивного сценария. Он включает в себя следующие обязательные компоненты: 1) субъект, 2) причина, 3) внутреннее состояние, 4) внешнее проявление страха. В нашем исследовании под субъектом всегда подразумевается одушевленное лицо, поэтому нет необходимости давать ему подробную характеристику, поскольку субъект во всех случаях является конкретным и активным.

Причины страха могут быть весьма разнообразны, но К. Изард выделяет две их основные группы: внешние и внутренние [4]. К внешним можно отнести людей, объекты или ситуации, резкий звук и т. д. Когнитивные процессы, происходящие в сознании человека, также могут вызвать страх, связанный с представлением об опасности при воспоминании о чем-то, ком-либо и т. п. Многообразие причин приводит соответственно к разным проявлениям страха. Так, резкий неожиданный звук вызывает испуг, а ужас, как правило, связан не только с внешними факторами, но и внутренними переживаниями, мыслительными процессами, воспоминаниями и пр.

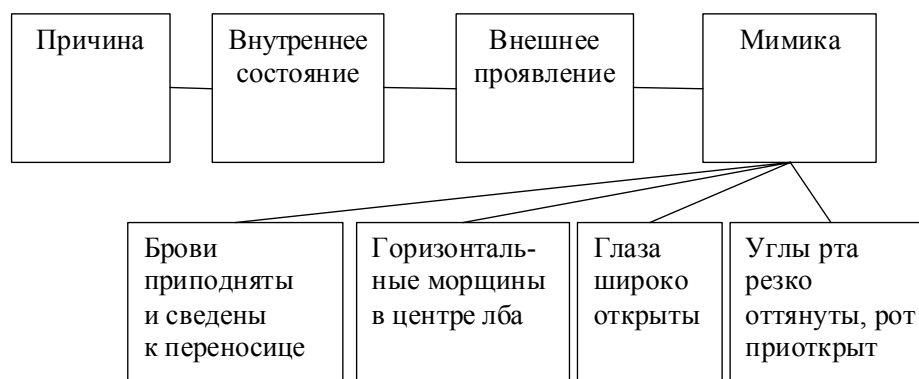
Внутреннее состояние субъекта в тот момент, когда он испытывает страх, понимается, многопланово. Человек может полностью отдавать себе отчет в происходящем, осознавать причины своего страха и его степень, но порою это чувство бессознательно, иррационально и непостижимо. Различна также продолжительность данного состояния. Страх может возникать медленно или охватывать человека мгновенно (как испуг), но даже если эта стадия развития данного сценария кратковременна, она непременно присутствует.

Внешние проявления страха разнообразны. С целью их описания обратимся прежде всего к работам известных психологов. Как отмечает Е.П. Ильин, внешние проявления сильного страха описаны еще Ч. Дарвином. У человека дрожат ноги, руки, нижняя челюсть, срывается голос. Глаза при страхе раскрыты более широко, чем в спокойном состоянии, нижнее веко напряжено, а верхнее слегка приподнято. Брови почти прямые и кажутся несколько приподнятыми. Внутренние углы бровей сдвинуты друг к другу, имеются горизонтальные морщины на лбу. По данным П. Экмана и В. Фрайзена, если из всех этих проявлений присутствует только положение бровей,

то это свидетельствует либо о предчувствии страха, беспокойстве, либо о контролируемом страхе. Рот открыт, губы напряжены и слегка растянуты. Это придает рту форму, близкую к овальной [2, с. 168].

По словам К.Э. Изарда, некоторые исследователи эмоций считают, что наиболее надежными и точными индикаторами страха служат мимические проявления. При развернутом мимическом выражении страха брови приподняты и слегка сведены к переносице, в результате чего горизонтальные морщины в центре лба глубже, чем по краям. Глаза широко открыты, верхнее веко иногда слегка приподнято, в результате чего белок глаза между веком и зрачком обнажается. Углы рта резко оттянуты, рот обычно приоткрыт [4, с. 310].

На основании данных суждений психологов мы составили приведенную ниже схему, позволяющую представить процесс переживания и внешнего проявления страха в виде определенного когнитивного сценария

Целью нашего исследования является описание языковых средств выражения мимического проявления внутреннего состояния субъекта, поэтому другие внешние проявления страха мы не рассматриваем.

Данный сценарий можно представить в виде следующих эпизодов (этапов развертывания): 1) возникновение причины; 2) внутреннее переживание эмоции; 3) внешнее проявление страха.

Обратимся к фактическому материалу (текстам русской и английской литературы), чтобы проследить, как данный когнитивный сценарий репрезентируется в языке.

Одним из основных признаков страха является дрожь, при этом она распространяется либо на все лицо, либо на какую-то его часть: *Испуганное, бледное лицо Телянина начало дрожать всеми мускулами; глаза все так же бегали, но где-то внизу, не поднимаясь до лица Ростова, и слышались всхлипыванья* [5, с. 319]. В данном примере подчеркивается, что испуг был настолько велик, что дрожь охватила все лицо. Однако чаще встречаются описания дрожащей челюсти или губ.

Тушину теперь только, при виде грозного начальства, во всем ужасе представилась его вина и позор в том, что он, оставшись жив, потерял два орудия. Он так был взволнован, что до сей минуты не успел подумать об этом. Смех офицеров еще больше сбил его с толку. Он стоял перед Багратионом с дрожащею нижнею челюстью и едва проговорил:

— Не знаю... ваше сиятельство... людей не было, ваше сиятельство.

— Вы бы могли из прикрытия взять! [5, с. 399].

В фактическом материале английского языка мы также обнаружили подобные примеры, только преимущественно с описанием губ, а не челюсти: «*Walter*», *she whispered,*

her lips trembling [6, p. 1]. В приведенном примере непосредственно не эксплицирована эмоция страха, но она ясна по более широкому контексту, в котором говорится о том, что героиня боится, что муж узнает о ее измене. С. Моэм дает развернутое описание данной ситуации, и в следующем примере прямо указывается на то, что это признаки страха: *Her lips trembled so that she could hardly frame the words. She was terrified. She was afraid she would faint* [6, p. 51].

В русском языке для описания данного внешнего проявления страха используется глагол *дрожать*, который означает «колебаться часто и судорожно от холода, болезненного состояния, нравственного страдания и т. п.» [7, с. 61]. Он используется как для описания изменений всего тела человека, так и его частей. Синонимы этого глагола *содрогаться* и *трястись* в данном контексте не могут быть использованы, так как означают движение тела в целом и не служат для описания мимики. Английским эквивалентом глагола *дрожать* является *to tremble*, который означает “to shake in a way that you cannot control, especially because you are very nervous, excited, frightened, etc.” (букв.: «непроизвольно дрожать, особенно если вы нервничаете, взволнованы или напуганы») [8, p. 1636]. Следует обратить внимание на различия в дефинициях: в семантике глагола *to tremble*, в отличие от его русского эквивалента, акцентируются только эмоциональные переживания, без учета внешних факторов, а также подчеркивается, что одной из причин данного действия является испуг.

Локусом страха может являться лицо человека: *Все лица вдруг изменились, и на всех выразился ужас* [5, с. 500]. *У него глаза остановились на ней с удивлением, и в лицо хлынул испуг* [9, с. 702]. *The look on her face, such as he had never seen there never before, such as she had always hidden from him, was full of secret resentments, and longings, and fears* [10, p. 63]. Однако чаще локусом страха, как и других эмоций, являются глаза: *В глазах был испуг и тревога* [9, с. 658]. При этом возможно не только статичное описание глаз человека, но и взгляда, направленного на другого и выражающего данную эмоцию: *Он в страхе глядел на нее* [9, с. 711]. Иногда в фактическом материале представлено обращение к параллельному описанию внутреннего состояния героя и его внешнего проявления: «Ну, за что они меня?..» — думал про себя Тушин, со страхом глядя на начальника [5, с. 393]. В глазах могут отражаться несколько эмоций одновременно: *Her lips were compressed in a thin line; her hair lay in fluffy masses on her bare shoulders, in all its strange golden contrast to her dark eyes — those eyes alive with the emotions of fear, hate, contempt, and odd, haunting triumph* [10, p. 186].

Являясь местом локализации страха, глаза претерпевают некоторые изменения, прежде всего это связано с их увеличением: *Она как будто испугалась, подняла голову и на минуту оцепенела, все слушая. Глаза у ней смотрели широко и неподвижно* [9, с. 587]. *Наташа, оживленная и тревожная, широко раскрытыми, испуганными глазами смотрела вокруг себя и казалась веселее, чем обыкновенно* [11, с. 351]. *Then he caught sight of her face, so white and motionless that it seemed as though the blood must have stopped flowing in her veins, and her eyes, that looked enormous, like the great, wide, startled brown eyes of an owl* [10, p. 244–245].

Как правило, взгляд человека, которого охватил страх, становится неподвижным: *Она смотрит куда-то вдаль немигающими глазами, из которых широко глядит один окаменелый, покорный ужас* [9, с. 733]. Глаза смотрят в одну точку, перестают мигать, человек словно теряет связь с действительностью и ничего не видит. В русском языке даже есть пословица, основанная на переосмыслении данных признаков: *у страха глаза велики, да ничего не видят*. Ей соответствуют английские выражения *the eyes of fear see danger everywhere* и *fear closes the ears of the mind*. Эти пословицы возникли как метафорическое переосмысление соматических признаков страха.

В отличие от психологов, лингвисты обращают большое внимание на цвет лица как показатель эмоционального состояния человека. Как отмечает М.В. Пименова, признак «цвет лица» важен для понимания эмоционального состояния человека. Бледность она определяет признаком страха и усталости [12, с. 101]. Подтверждение этому находим и в нашем фактическом материале: — *André, déjà?* — сказала маленькая княгиня, *бледнея и со страхом глядя на мужа* [5, с. 290]. Для описания цвета лица используются как глаголы и их формы, так и имена прилагательные: *Он вышел в страхе, бледный, сдал все на руки Якову, Василисе и Савелию, и сам из-за угла старался видеть, что делается с бабушкой* [9, с. 732].

Примеры описания приподнятых бровей как показателя страха в русском языке единичны и практически отсутствуют в английских текстах: *Мальчик, засунув свои озябшие руки в карманы и подняв брови, испуганно смотрел на Денисова и, несмотря на видимое желание сказать все, что он знал, пугался в своих ответах и только подтверждал то, что спрашивал Денисов* [13, с. 141].

Таким образом, можно прийти к выводу, что данные психологов относительно физических проявлений внутреннего состояния страха находят лишь частичное подтверждение в художественных текстах, что свидетельствует о том, что не все признаки, выделяемые учеными, являются релевантными для языкового сознания и соответственно актуальными в процессе коммуникации в качестве ее невербальных компонентов. К примеру, ни в русских, ни в английских текстах не встречаются описания сведенных к переносице бровей или морщин в центре лба как признаков страха. Напротив, многочисленны описания цвета лица, о чем практически не упоминают психологи. Писатели в своих произведениях для более полного раскрытия образов героев описывают их мимику, используя при этом наиболее явные признаки, чтобы чувства и эмоции персонажей были понятны любому читателю, а не только ученому-физиономусту. Именно поэтому лингвистические исследования художественных произведений важны для изучения национально-культурных особенностей невербальной коммуникации.

Библиографический список

1. Клобуков П.Е. Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций // Язык. Сознание. Коммуникация. М., 1997. Вып. 2. С. 41–47.
2. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2008. 783 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
4. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2009. 464 с.
5. Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1987. Т. 3.
6. Maugham W.S. The Painted Veil. London, 1934. 286 p.
7. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2007. 576 с. (Фундаментальные словари).
8. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2007. 1780 p.
9. Гончаров И.А. Обрыв. М.: Правда, 1977. 846 с.
10. Galsworthy J. The Man of Property. Ware, 2001. 724 p.
11. Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1987. Т. 4.

12. Пименова М.В. Базовая метафора «человек – книга» (стереотипы русской культуры) // Ментальность и изменяющийся мир: коллективная монография: к 75-летию В.В. Колесова. Севастополь: Рибэст, 2009.

13. Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1987. Т. 6.

*Y.N. Kulichenko**

REPRESENTATION OF COGNITIVE SCRIPT OF FEAR IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGVOCULTURES

The cognitive script of Fear is considered in this article. The special attention is paid to the different facial expressions of fear.

Key words: comparative research of Russian and English languages, cognitive linguistics, cognitive script, facial expression, emotions.

* *Kulichenko Yulia Nikolayevna* (yuliakulichenko@mail.ru), the Dept. of Russian Language, Volgograd State University, Volgograd, 400062, Russia.